

КНИГА КАК КУЛЬТУРНЫЙ СИМВОЛ

Можейко Марина Александровна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Белорусского государственного университета культуры и искусств

Книга – не важно, как она выглядела: был ли это папирус, пергаментный свиток или переплетенные листы под обложкой – всегда выступала в культуре символом мудрости, учения и обучения.

С возникновением христианства книга стала выступать как знак Божественного Откровения: именно богодухновенный текст, то есть книга, а именно Библия, символизирует в христианской культурной традиции изначальное Откровение Божие, данное людям.

Вместе с тем в христианской традиции книга стала символом не только Священной Книги, Библии, но и веры как таковой. Согласно одной из версий легенды о Священном Граале, рыцари ищут не чашу, а книгу и потерянное слово. В православной и католической иконографии с книгой в руках изображаются пророки, апостолы и обязательно – евангелисты. Человек с книгой в руках означал верующего не только в христианской иконографии, но и в христианской традиции в целом.

В классическом европейском искусстве за символом книги закрепляется значение истинного (божественного) знания. Как известно, в одной из ранних версий “Мадонны Конестабили” Рафаэля младенец Иисус тянулся в руках матери к яблоку, которое позднее было заменено на книгу, что придало полотну совершенно новый смысл и новую, более глубокую, направленность.

В этом контексте в мусульманском мире (начиная от созданной пророком Мухаммедом империи и вплоть до последних лет существования Арабского халифата) имел место уникальный феномен: на общем фоне нетерпимого отношения к иноверцам ислам выстраивает особое отношение к иудеям и христианам как народам, чья вера восходит к Великой Книге, называя их “аль-Киттаб”, то есть “народы Книги”.

Позднее для христианских и мусульманских мистиков символ книги обретает более широкую семантику: мистическая традиция выделяет два явления истины – истину Откровения (то есть текста) и истину творения (то есть жизни во всех бесчисленно разнообразных ее проявлениях), и в этом контексте книга становится практически всеобъемлющим символом, выступая знаком самой жизни. Со времен средневековья в европейской культуре оформляется образ природы как совокупности исполненных глубокого сакрального смысла знаков, подлежащих прочтению: пониманию и истолкованию.

В этой системе отсчета мироздание трактуется как великая книга, в которой тайнописью записана мудрость Божья. Медиэвальные

представления о мире как книге Божьей задают мощную традицию специфического мистического символизма: средневековое сознание реализуется как бы в двух семантических проекциях (обыденной и сакральной), постоянно усматривая за земными событиями знаки высших смыслов (все события и блага земного мира воспринимаются лишь как знамения, символы феноменов и благ небесного царства) [2: 307–312].

Такая трактовка бытия обнаруживает себя и в философских текстах вплоть до эпохи Нового времени. Так, Джордано Бруно сравнивает мудреца – искателя истины – с Актеоном, преследующим богиню “в лесах” (т.е. в несущих в себе тайну непознанных сферах, подлежащих изучению и расшифровке) и “меж вод” (т.е. в зеркалах подобий, отражающих в природных явлениях сущность проявлений божественной истины). Галилео Галилей рассматривает природу как великую книгу мудрости божественного творения, написанную особыми знаками, подлежащими дешифровке: “природа есть книга великая”, “знаки же ее – математические формулы”).

В контексте белорусской культуры такая трактовка книги наиболее полно проявилась в текстах Симеона Полоцкого:

Книга

Различны книги нам суть Богом предложены

Да благонравно жити будем научении.

Первая книга — мир сей, в ней же написался,

Что либо от всемоши Господа созданся... [1: 150]

Всю свою онтологию, моделирующую его представления о мироустройстве, Симеон Полоцкий строит как описание сакральной книги, каждый “лист” которой представляет собой особый уровень организации мироздания:

Мир есть книга

Мир сей преукрашенный книга есть велика,

Я же словом написа всяческих владыка.

Пять листов препространных в ней ся обретают,

Яже чужна письмена в себе заключают.

Первый же лист есть небо, на нем же светила,

яко письма, божия крепость положила.

Второй лист огонь стихийный, под небом высоко,

в нем яко писание силу зрит око.

Третий лист, преширокий аер мощно звати,

На нем дождь, снег, облака и птицы читати.

Четвертый лист, сонм водный в ней ся обретают,

В том животных множество удобся читает.

Последний лист есть земля, с дресесы, с травами,

Со крушцы и с животными, яко с письменами,

В сей книге есть возможно комужды читати, коль велик, иже ону изволи создати.

И коль силен есть могий ону утвердити,

Ни на чем же основу ее положитьи.

И колико премудр есть, иже управляет,
Вся сущая, и тайны всяческий знает.
Ту книгу читающе, рцем вси: слава тебе,
В человеколюбье царствуй на небе... [1: 150–151]

Начиная с Нового времени (то есть со времени возникновения научного познания) и вплоть до сегодняшнего дня книга выступает символом науки.

В настоящее время в культуре существует целая система связанных между собой символов, основанных на идее книги. Так, открытая книга означает обучение (в религиозном контексте – Откровение), закрытая книга символизирует тайны, загадки бытия.

Следует отметить, что связанная с книгой система символики прошла в своем развитии достаточно значимую эволюцию. Так, в древности сжигание книги выступало символическим актом отречения человека от прежних убеждений (например, предание огню книг языческого содержания первыми христианами). Позднее посредством сжигания книг пытались бороться с чуждыми убеждениями и искоренять альтернативные традиции: от вершимых над еретическими трактатами аутодафе инквизиции до фашистских костров из гуманистических изданий. Однако с течением времени в культуре вызревает совсем иное понимание: уничтожение книги – независимо от ее содержания – стало восприниматься как символ вандализма, мракобесия и обскурантизма; температурная точка “по Фаренгейту”, при которой начинает гореть бумага, выступает в современной литературе символической точкой гибели культуры как таковой.

Именно библиотека стала символом не только интеллектуальной мощи человечества (от эллинистической библиотеки Александрии до библиотеки-лабиринта, хранящей свои тайны в постмодернистском романе “Имя розы” У. Эко), но и символом культуры как таковой. И библиотекарь выступает в этой системе отсчета не только как хранитель книжной учености, но также и как хранитель мудрости, обеспечивающий преемственность культурных традиций и связь времен, страж духовной стабильности и интеллектуального порядка, хранитель того, что позволяет человеку сохранять свой статус и нести свою великую миссию *homo culturis*.

Список использованных источников

1. Антология экологической мысли. Восточные славяне. – Мн. : Харвест, 2003. – 656 с.
2. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Жак Ле Гофф. – М. : Прогресс-Академия, 1992. – 376 с.